

Воспоминания кн. Голицына

(Некрасов, Достоевский, гр. Л. Н. Толстой в эпоху "Войны и мира", Ги де Мопассан)

- Если воспоминания каждого о людях замечательных должны принадлежать обществу, то мне жаль, что я ничего такого не записал... А я знал Ренана, Реклю и Мопассана, знал графа Л. Н. Толстого, Достоевского и Некрасова. Теперь едва какие-нибудь только общие представления о некоторых из них сохранились в моей памяти... Если то, что еще я помню, может быть интересно, то не запишете ли вы для печати?

Так мне сказал князь Константин Константинович Голицын. Вот что записал я затем с его слов:

- Некрасова и Достоевского я встречал у Андрея Александровича Краевского, иногда в довольно большом обществе. О них помню только то, что Некрасов казался мне милым, любезным, внимательным человеком, очень интересным собеседником, остроумным, часто веселым рассказчиком. Достоевский казался очень суровым и мрачным и необщительным человеком: он вступал в разговор и споры только с кружком своих тесных знакомых, он часто бывал грустен, уныл и часто казался раздраженным. Тяжелый, угрюмый, болезненно-нервный человек - таким казался мне Достоевский.

Графа Л. Н. Толстого я встречал часто в начале семидесятых годов у моего дяди, князя Сергея Владимировича Голицына, в Москве.

Лев Николаевич много и подолгу говорил о событиях двенадцатого года, которых касался в своем романе "Война и мир" и которые он тщательно изучал. Потом как раз мне привелось на офицерском экзамене отвечать о кампании двенадцатого года, и я, именно благодаря тому, что многое узнал не столько из учебников, сколько слушая рассказы графа Льва Николаевича Толстого, получил на экзамене полный балл.

В то время граф Лев Николаевич Толстой никакими странностями своего костюма не отличался; одевался он изысканно, изящно, хотя и несколько небрежно, что называется, никогда не был прилизан. В манере графа держать корпус и в его твердой красивой походке сказывалась военная выправка.

Хотя Лев Николаевич в то время был весь поглощен событиями двенадцатого года, но иногда он меня спрашивал о моих парижских впечатлениях. Я воспитывался в Париже, окончил там Lycée Napoleon (Лицей Наполеона (фр.)), а потом на высших курсах Сорбонны слушал лекции Ренана и Реклю. Из Парижа приехал я, плохо зная русский язык, так что потом с трудом окончил гимназию в Москве. И даже окончив русскую гимназию, я в то время предпочитал рассказывать графу Льву Николаевичу Толстому мои впечатления по-французски - это мне было легче. Я был свидетелем Парижской коммуны в семьдесят первом году; я видел обе осады Парижа... Граф Лев Николаевич Толстой всем интересовался: и Реклю, и Ренаном, и Парижской коммуной.

Я рассказывал графу Льву Николаевичу Толстому между прочим о Реклю, что он не столько обращал внимания на то, чтобы слушатели его лекций знали, где какой город и приток реки, сколько на то, чтобы все хорошо знали, чем богата каждая страна и какое ее общественное состояние... О Ренане рассказывал я, между прочим, как он сравнивал все вероисповедания... Лев Николаевич много спрашивал о Ренане.

Подробно спрашивал меня граф Лев Николаевич Толстой об ужасах междоусобной войны, о Парижской коммуне. И поныне я без содрогания не могу вспомнить того, что видел в Париже в марте, апреле и мае 1871 года. Много видел я потом крови и людских смертей:

офицером 13-го Нарвского гусарского полка я принимал участие в войне с Турцией... Но никакие ужасы войны не могут сравниться со сценами насилия и человеческого озверения, с теми сценами жестокости и кровожадности, какие бывают в междоусобной войне. Когда я рассказывал графу Льву Николаевичу Толстому о Парижской коммуне, мои воспоминания о ее ужасах были ярки. Особенно подробно Лев Николаевич расспрашивал меня о второй осаде Парижа.

Граф Лев Николаевич Толстой ровно на двадцать лет старше меня, поэтому он меня, в то время двадцатитрехлетнего молодого человека, называл на "ты"; он указывал иногда мне на мою привычку слишком откровенно высказываться и говорил мне: "Язык твой - враг твой". Иногда граф Лев Николаевич Толстой называл меня "бесшабашная голова". Он всегда относился ко мне, как и ко всем нашим знакомым, сердечно и внимательно, и я сохранил о нем воспоминания как о превосходном человеке. С тех пор мы не встречались.

Когда окончилась Турецкая война, я опять уехал в Париж и там познакомился с Ги де Мопассаном.

Я встречал Ги де Мопассана во многих знакомых домах нашего круга. Особенно часто мы встречались у одного из братьев де Гонкур и у виконта де Нусака, который приходится мне двоюродным дядей по моей матери, урожденной маркизе Бланшар де ля Бордери. Виконт де Нусак, мой дядя, еще жив: это теперь глубокий старик; жил он всегда холостяком - так и не женился. У него собиралось большое общество, все больше холостяки, бывали и дамы, но такие, которые не стесняются бывать у холостяков. У виконта де Нусака всегда завтракало, обедало и ужинало большое общество, особенно много подавалось трюфелей с собственных плантаций де Нусака и вина его же собственных виноградников. Ги де Мопассан любил посещать виконта де Нусака и подолгу иногда у него засиживался.

Когда появлялся Ги де Мопассан, общество как-то особенно оживлялось, разговоры становились содержательнее; каждый старался сказать что-нибудь очень остроумное - в этом состязались. Пикантные двусмысленности, которые, кажется, только на одном французском языке возможны в пределах приличия, - в этом тоже состязались. Звали Ги де Мопассана: beau Causeur - прекрасный рассказчик; и действительно: удивительно интересно, увлекательно, захватывающе как-то он говорил... И общество всегда особенно любило его слушать... Он мог говорить интересно и увлекательно решительно обо всем, о чем хотите... О чем он говорил - это зависело от компании, от обстоятельств, от злобы дня. Когда совсем не было дам, Ги де Мопассан рассказывал невозможные вещи, и столько бывало смеха, веселья... А когда бывали дамы, хотя и такие, которые не стесняются бывать в холостой компании, Мопассан оставался строго корректным и к этим дамам относился без малейших вольностей, вполне вежливо и как истинный джентльмен. Это не мешало Мопассану оставаться beau causeur и занимать все общество.

Мне казалось, что Мопассан мало имел личных друзей, он, казалось мне, ни с кем не сходилась до интимности и дружбы, а в обществе зато он был, что называется, душа человек. Впрочем, всегда корректный в светском отношении, Ги де Мопассан не прочь был иногда с чисто французской манерой высмеять иного, уязвить остротой, но так, чтобы не обидеть... Ги де Мопассан казался мне веселым, жизнерадостным. А каким он бывал один, вне того общества, в котором я встречал его, - не знаю...

Опубликовано: Мошин А. Н. Новое о великих писателях: Мелкие штрихи для больших портретов. СПб., 1908.

Мошин Алексей Николаевич (1870-1928) - писатель, мемуарист.